

Цзян Чансинь - дурачок. Это в деревне Цинтянь знали все, от мала до велика.

Но старшего сына семьи Чжоу этот «дурачок» одним лишь взглядом заставил вздрогнуть, и тот невольно отдернул руку. Лишь спустя миг, опомнившись, он сообразил: чего это он, собственно, испугался какого-то умалишённого?

Цзян Чансинь по-прежнему крепко прикрывал Е Нина собой. Высокий, широкоплечий, он заслонял его полностью, будто стеной, да ещё и держал над ним зонт из промасленной бумаги. Сам же при этом оказался наполовину под дождём: плечо и рукав моментально промокли под ливнем, но он словно и не замечал этого. В его мире сейчас существовал только один человек - Е Нин.

Госпожа Цзян, хозяйка дома, заметила это сразу, как только подошла. Уже одно то, что на Нин-гере была накинута верхняя одежда её сына, казалось необычным. А теперь взгляните: сын так явно оберегает Нин-гера, не позволяя Чжоу Даху даже приблизиться.

Надо понимать, что Цзян Чансинь с детства был умом не в полном порядке и до сих пор походил на ребёнка. Что нравится - то нравится, что не нравится - то не нравится: всё у него всегда было написано на лице, без тени притворства. Недавно он, страдающий тяжёлым отвращением к пище, смог съесть лапшу, приготовленную Е Нином, уже это потрясло госпожу Цзян. Она даже специально сходила к его лапшичной. А теперь, видя, как сын защищает Е Нина, она окончательно убедилась: его отношение совсем иное, не как к остальным.

— Недоразумение? — старшая госпожа Цзян шагнула вперёд. На вид она была мягкой, приветливой, из тех, с кем легко иметь дело. — Между семьёй Чжоу и семьёй Е, возможно, и правда есть какие-то недоразумения. Я, человек со стороны, не стала бы вмешиваться. Но раз уж в это втянут и мой племянник, то, быть может, стоит спросить и нас - недоразумение ли это на самом деле?

Чжоу Даху привык ходить гоголем и никогда не считаться с чужим мнением. Кто бы мог подумать, что однажды он врежется в такую твёрдую стену, как семья Цзян. Его глаза забегали, он сразу понизил тон и, прикинувшись смиренным, принялся выкручиваться:

— Да... да, недоразумение, всё это недоразумение! Я... я вечером выпил лишнего, вот и... и захмелел, голову потерял. Видите ли... я... я принял этого гера за своего будущего супруга, за Нин-гера. Ошибка, чистая ошибка!

— Ты лжёшь! — с обидой в голосе воскликнул Цянь-гер. — Ты только что говорил, что я чужак и потому решил меня обидеть! Какое же это «перепутал»?!

Отец Е подал матери Е знак глазами. Мать Е тут же подтолкнула Е Нина и заискивающе заговорила:

— Нин-гер, ну скажи хоть слово, подтвердите за Чжоу-далана. Он ведь всего лишь... всего лишь

выпил лишнего. Мужчины, знаешь ли, иной раз выпьют и начинают буянить. У кого из мужиков такого не бывало, верно?

Е Нин молчал. Он даже не стал подхватывать разговор, словно вовсе не услышал мать Е. В тот же миг повисла неловкая тишина. Мать Е сердито зыркнула на него, но Е Нин и на это не отреагировал, будто перед ним был не живой человек, а пустое место.

Мать Е запаниковала, не зная, что делать, и, натянуто улыбаясь, поспешно продолжила:

— Ну... к тому же Цянь-гер - человек знатный, из уездного города в Цзяннани. По возрасту, поди, ещё и не сосватан... А тут такое случилось... если об этом пойдут слухи, разве это хорошо? Что люди подумают?

Услышав это, Цянь-гер и вспыхнул от гнева, и расплакался от обиды. Слезы покатались по щекам; даже в ночной темноте было видно, как его лицо залилось румянцем, словно слова матери Е внушили ему стыд и страх: а вдруг и вправду после этого он не сможет выйти замуж, а за спиной будут судачить?

Чжоу-далан поспешно закивал:

— Да-да, именно! Я ведь мужчина, мне честь-не честь - не так уж и страшно. Боюсь только за Цянь-гера. Он человек знатный, ему не то что нам... Может, давайте сегодня всё это сочтём недоразумением?

Тут Е Нин холодно произнёс:

— А разве кто-то, боясь подавиться, перестаёт есть вовсе?

Его слова прозвучали так неожиданно, что все разом обернулись к нему, не понимая, к чему он это сказал - ни с того ни с сего, странно и невпопад.

Е Нин неторопливо продолжил:

— Если человек, боясь подавиться, откажется от еды и умрёт с голоду, все сочтут это нелепостью и посмеются. Так почему же, боясь пересудов за спиной, следует отпускать на волю настоящего преступника? Что это за логика?

Чжоу-далан понял: Е Нин подстрекает семью Цзян и Цянь-гера не спускать это дело на тормозах. Он шагнул вперёд, намереваясь схватить Е Нина, но Цзян Чансинь отреагировал молниеносно и тоже шагнул вперёд, в точности встав между ними. Чжоу-далан был ниже и мельче, дотянуться до Е Нина он не мог и потому лишь бессильно сверлил его взглядом.

Е Нин же продолжил:

— Есть люди, совершающие мерзости, которые умеют лишь красиво говорить, перекалывая вину на жертву, всеми силами заставляя её чувствовать стыд. Сами же они ни капли не стыдятся - что это за справедливость? Их кожа толще свиной шкуры. Если простить их однажды, кто поручится, что они не сделают того же во второй, в третий, в бесчисленный раз? Ведь они знают: стоит лишь пошевелить языком, свалить позор на жертву, и наказания удастся избежать, а смеяться будут не над ними.

Е Нин никого не называл по имени, но любой, у кого были уши, прекрасно понял, о ком идёт речь: тот самый человек с кожей толстой, как свиная шкура, разве не Чжоу-далан?

— Ты... ты всего лишь гер! Что ты вообще понимаешь?! — Чжоу-далан затопал ногами от злости, но стоило ему топнуть, как он задел раненое место ниже пояса. — Ай! — вырвался у него пронзительный вопль.

Старшая госпожа дома Цзян с удивлением посмотрела на Е Нина. Раньше она уже была поражена тем, что Е Нин осмелился расторгнуть помолвку с домом Чжоу; теперь же она собственными ушами услышала его рассуждения. Истина, о которой он говорил, была очевидна, и именно поэтому так часто игнорируема. Сколько умных людей предпочитают закрыть глаза и притвориться слепыми? А Е Нин - нет.

Старшая госпожа происходила из учёной семьи: с детства она читала книги вместе с дедом, отцом и братьями. Больше всего она ценила людей остроумных, ясно говорящих и умеющих различать правду и ложь. Она с улыбкой кивнула, явно проникшись к Е Нину симпатией, а затем повернулась к Цянь-геру:

— Цянь-эр, скажи сам: то, что произошло сегодня, - это недоразумение?

Цянь-гер закусил губу, на его лице отразилось мучительное колебание. С одной стороны страх за собственную репутацию, с другой - невозможность проглотить такое унижение. Слёзы дрожали в глазах.

Отец Е тут же поспешил вмешаться:

— Недоразумение! Конечно, недоразумение!

Даже сейчас, дойдя до такого момента, отец и мать Е всё ещё пытались сохранить «хорошего родственника по браку». Было ясно: они твёрдо решили во что бы то ни стало выдать Е Нина в дом Чжоу.

Вокруг раздавался приглушённый гул - зрители переговаривались, смакуя происходящее. Цянь-гер стиснул зубы и наконец выпалил:

— Это не недоразумение!

Чжоу-далан взвыл, оправдываясь:

— Это и вправду недоразумение! Я просто перепил пару чашек этого кошачьего пойла! Перепутал Цянь-гера с Нин-гером, вот и всё! Недоразумение! Недоразумение! Я всего лишь хотел быть поближе со своим ещё не введённым в дом супругом, разве в этом есть вина?!

Е Нин холодно усмехнулся:

— Чжоу-далан, не так давно я при всей деревне расторг помолвку с тобой. Брачные узы между нашими домами уже разорваны. О каком «не введённом в дом супруге» ты говоришь? Если ты и вправду принял Цянь-гера за меня, то мне тем более следует заявить об этом властям.

— Ты... ты!.. — Чжоу-далан задрожал от ярости, не находя слов.

Старшая госпожа вынесла решение:

— Раз Цянь-гер сказал, что это не недоразумение, значит, это не недоразумение. Чэн Чжао, уведи людей и отправь Чжоу-далана к чиновникам.

— К... к чиновникам?! — Чжоу-далан остолбенел.

— В этом деле моему племяннику должен быть дан справедливый ответ, — холодно сказала старшая госпожа.

Чэн Чжао тотчас откликнулся и жестом велел нескольким крепким слугам подойти. Два телохранителя дома Чжоу были уже напуганы побоями Е Нина, подняться они не могли, а уж тем более не смели перечить дому Цзян. Сжавшись, они жались в стороне.

Чжоу-далан извивался в руках слуг, с трудом переставляя ноги, движения его были неловкими и почти «жеманными» - он боялся задеть раненое место. Он отчаянно кричал:

— Отпустите меня! Я - старший сын дома Чжоу! Отпустите! Я не пойду к чиновникам! Не пойду!..

Отец и мать Е запаниковали. Мать Е ткнула Е Нина в бок:

— Скажи хоть что-нибудь! Быстро, заступись за далана! Если его уведут к чиновникам, о вашей свадьбе можно забыть - что тогда будет с тобой? Кто тебя потом возьмёт?!

— Ты гер, если не выйдешь замуж, это хуже смерти - стыд на всю жизнь!

Выслушав эти извращённые доводы, Е Нин спокойно ответил:

— А кому стыдно? Во всяком случае, не мне.

Мать Е оторопела, так и не сумев сразу подобрать слова.

Чжоу-далана уже уводили под руки, как вдруг он резко повысил голос:

— Е Нин! Е Нин! Он только что избил меня! Посмотрите, до чего он меня довёл! Если идти к чиновникам, пусть и он идёт вместе со мной!

Е Нина назвали по имени. Он слегка приподнял брови и, словно невзначай, отбросил тонкую ивовую ветку, на которой ещё виднелись полоски крови - кровь Чжоу-далана и двух телохранителей. Под ливнем ветка мгновенно была смыта дочи́ста, и не осталось ни малейшего следа. Кто бы мог подумать, что именно эта тонкая веточка и была «орудием преступления»?

Движения Е Нина были неторопливы и спокойны, но выражение лица изменилось мгновенно: ещё секунду назад сдержанный и невозмутимый, а в следующий миг он стал выглядеть таким хрупким и беспомощным, словно не мог сам о себе позаботиться.

Е Нин нахмурил свои изящные брови - кончики их чуть опустились, придавая лицу совершенно невинное и слабое выражение. Он слегка поджал розовые губы, голос его дрогнул ровно настолько, насколько нужно, наполнившись обидой:

— Я, Е Нин, всего лишь гер. Курицу зарезать и то боюсь, разве осмелился бы я поднять руку на человека? Чжоу-далан бросается кровавыми обвинениями, но и у клеветы должен быть предел.

Сельчане один за другим закивали. И впрямь, такой нежный, хрупкий гер, посмотрите на это тонкое телосложение... У Чжоу-далана и правда кожа толще свиной: врать тоже надо знать меру!

Даже проникательная старшая госпожа дома Цзян не поверила словам Чжоу-далана. Ну что за нелепость - гер избил троих взрослых мужчин? В это не поверил бы даже её собственный сын с умственной недостаточностью.

А Цзян Чансинь, который собственными глазами видел, как Е Нин расправлялся с людьми, а затем так же собственными глазами наблюдал, как тот мгновенно «превратился» в хрупкое и беззащитное создание, молча смотрел на происходящее:

«...»

<http://bllate.org/book/15118/1417471>